

года в Тобольске, в пересыльной тюрьме. Достоевский сам трижды писал об этом: в письме к брату*, в «Записках из Мертвого дома»**, в «Дневнике писателя на 1873 год»***.

К моменту выхода Достоевского из омского острога их знакомству исполнилось четыре года. В течение этих лет между омским каторжанином и политической ссыльной с местопребыванием в Тобольске (куда Фонвизины попали после Нерчинских рудников, Енисейска и Красноярска), через неведомый нам тайный канал, велась тайная же переписка, от которой, к величайшему сожалению, дошло до нас всего по одному письму с каждой стороны. Фонвизина к тому же — едва ли не единственный корреспондент Достоевского за все годы, проведенные им на каторге.

Достоевский пишет женщине-легенде, героине сибирской колонии декабристов, ангелу-хранителю многих узников. Она для него — «чудная душа, испытанная 25-летним горем и самоотвержением», «великая страдальца», женщина, исполнившая высочайший нравственный долг, «самый свободный долг, какой только может быть». «С каким удовольствием я читаю письма Ваши, драгоценнейшая Наталья Дмитриевна! Вы превосходно пишете их, или, лучше сказать, письма Ваши идут прямо из Вашего доброго, человеколюбивого сердца легко и без натяжки», — пишет он ей. Письмо Н. Д. Фонвизиной от 8 ноября 1853 года, дошедшее до нас, — как раз то самое, на которое и отвечает зимой 1854-го Достоевский.

Ее письмо к нему — это страстная исповедь. Фонвизина рассказывает о той поре своей жизни, когда ей довелось испытать полное земное счастье; и о той поре, когда ей выпало беспредельное, неукротимое горе; и о том, как хваталась она за любую неприятность или болезнь, лишь бы они отвлекли ее от убивающей печали. Прибегая к тайнописи, она пишет о том, как после ссылки приняла изгнанников Россия (Фонвизины вернулись домой в мае 1853-го), та Россия,

* См. об этом: «Участие, живейшая симпатия почти целым счастьем наградили нас. Ссылочные старого времени (то есть не они, а жены их) заботились об нас, как об родне. Что за чудные души, испытанные 25-летним горем и самоотвержением. Мы видели их мельком, ибо нас держали строго. Но они присылали нам пищу, одежду, утешали и ободряли нас. Я, поехавший налегке, не взявши даже своего платья, раскаялся в этом. Мне даже прислали платья» (28-1; 169).

** См. «При вступлении в острог у меня было несколько денег; в руках с собой было немного, из опасения, чтоб не отобрали, но на всякий случай было спрятано, то есть заклеено, в переплете Евангелия, которое можно было пронести в острог, несколько рублей. Эту книгу, с заклеенными в ней деньгами, подарили мне еще в Тобольске те, которые тоже страдали в ссылке и считали время ее уже десятилетиями и которые во всяком несчастном уже давно привыкли видеть брата. Есть в Сибири, и почти всегда не переводится, несколько лиц, которые, кажется, назначением жизни своей поставляют себе братский уход за «несчастливыми», сострадание и соболезнование о них, точно о родных детях, совершенно бескорыстное, святое» (4; 67).

*** См. «В Тобольске, когда мы в ожидании дальнейшей участи сидели в остроге на пересыльном дворе, жены декабристов умолили смотрителя острога и устроили в квартире его тайное свидание с нами. Мы увидели этих великих страдальцев, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. Они бросили всё: знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга, самого свободного долга, какой только может быть. Ни в чем неповинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли всё, что перенесли их осужденные мужья. Свидание продолжалось час. Они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили Евангелием — единственная книга, позволенная в остроге. Четыре года пролежала она под моей подушкой в каторге. Я читал ее иногда и читал другим» (21; 12).